

Страшнее войны ничего нет!

Из воспоминаний И.С.Даревского

Воспоминания о войне, но без единого описания сражений, оставил Илья Сергеевич Даревский (1924—2009), всемирно известный герпетолог, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Его именем названы многие виды амфибий и рептилий. Еще в детские годы у Илюши зародилась страсть к «гадам», увлечение ими было заложено самой природой и никогда не оставило его, даже на войне.

Жизнь Ильи Сергеевича была насыщена интересными событиями, наполнена научным творчеством и богатейшими впечатлениями от экспедиций. Он обладал несомненным популяризаторским даром, о котором можно судить хотя бы по публикациям в нашем журнале — их около двух десятков! Его легкое перо отразилось в «Моей биографии», фрагмент которой мы приводим с любезного разрешения Зоологического института РАН. Полная ее версия опубликована в специальном выпуске «Трудов Зоологического института» (2014. Т.318. №4), посвященном 90-летию И.С.Даревского; примечания и дополнения были сделаны Н.Б.Ананьевой и И.С.Дорониным.

Времена и места

Наступил 1941 год. Как всегда, весной пышно зацвели киевские каштаны. Мы с Николаем Васильевичем* съездили на Днепровский разлив и вечером, у затухающего костра он впервые заговорил со мной о политике и о приближающейся войне с Германией. Я почти не интересовался тогда политикой, зная, что между нашими странами подписан договор о ненападении, и скорая война представлялась мне маловероятной. Газеты твердили о мире, а на экранах лишь накануне с успехом прошел шапкозакидательский фильм «Если завтра война». Николай Васильевич, напротив, считал скорое наступление войны неизбежным и легко отметал все мои наивные возражения на этот счет. В воскресенье 22 июня мы с Леней Пржебыльским** от-

правились в ближайшие окрестности Киева — Пуща-Водица, я — в надежде найти там довольно редкую в этих местах неядовитую змею медянку, а он — достать из известного ему дупла несколько летучих мышей. Мы занимались своими делами, когда услышали вдруг необычно громкий самолетный гул, и над нашими головами в сторону Киева очень низко пронеслась эскадрилья немецких бомбардировщиков с хорошо видимыми свастиками на крыльях. Началась война, сразу же круто переменявшая всю нашу последующую жизнь. Мои старшие сверстники уже на следующий день стали получать повестки в военкоматы, а всех киевских допризывников, дабы сохранить их как потенциальных солдат, решено было эвакуировать поначалу на восток Украины. Где-то в начале июля повестку об обязательной эвакуации вручили и мне. Я поспешил в Институт зоологии и трогательно распрощался с Николаем Васильевичем Шарлеманем и другими сотрудниками, не подозревая, что со многими из них вижусь в последний раз. Игоря Александровича Цемша*** я на кафедре уже не застал.

Простившись с матерью, которой вместе с ее учреждением также вскоре предстояло эвакуироваться на восток, я с небольшим чемоданом

* Шарлемань Николай Васильевич (1887—1970) — зоолог, зоогеограф и краевед, специализировался на птицах. С 1919 г. — сотрудник киевского Зоологического музея Украинской Академии наук, в 1921—1932 годах — директор заповедника «Конча-Заспа». Во время, о котором вспоминает И.С.Даревский, был профессором Института зоологии АН Украины. Шарлемань сыграл важную роль в жизни Даревского, и, несмотря на большую разницу лет, их связали теплые, почти дружеские отношения, как учителя и ученика. В оккупированном немцами Киеве сумел сохранить коллекции Института зоологии, которые намечались вывезти в Познань.

** Леонид Пржебыльский — один из юннатов, с которым особенно подружился Илья Даревский. Погиб в самом начале войны.

*** Цемш Игорь Александрович — талантливый молодой ученый, уже опубликовавший несколько интересных работ по герпетофауне южных районов Украины. По словам Даревского, Цемша, несомненно, ожидало большое будущее в науке, если бы не трагическая гибель на фронте в первые же месяцы войны.

и рюкзаком с несколькими книгами поспешил на сборный пункт, где формировались колонны допризывников для пешеходного следования из города. Колонна наша, провожаемая некоторое время родственниками и друзьями, спустилась к Днепру и далее по знаменитому цепному мосту мы переправились на его левый берег. Настроение у большинства было подавленное. Мы отправлялись навстречу неизвестности, оставляя позади прекрасный город своего детства — Киев. Многим ли из нас суждено будет возвратиться когда-либо назад к берегам Днепра? К вечеру мы погрузились в товарные вагоны и через день пути прибыли в конечный пункт назначения — небольшой город Артемовск в Ворошиловградской области на юго-востоке Украины. Первое время ничто здесь не говорило о войне и не верилось, что когда-либо она вообще сможет докатиться и до этих мест. Нашу группу из 20 человек поселили в просторном бараке в одном из местных совхозов и предложили каждому по выбору заняться какой-либо полезной сельскохозяйственной деятельностью. Без лишних раздумий я согласился пасти небольшое совхозное стадо, благо пастушью работу эту разделяли со мной две смешливые черноглазые девушки-хохлушки. Дойка коров проводилась здесь же на пастбище и всякий раз я с удовольствием выпивал большую кружку пахнущего травмами теплого парного молока. Через несколько дней, по договоренности со своими пастушками, я стал временами оставлять стадо под их присмотром и отправлялся обследовать близлежащие участки целинной степи и овраги на предмет возможной встречи с обитающими там видами пресмыкающихся. Из литературы я знал, что Донецкий угольный бассейн, в пределах которого мы находились, относится к числу наименее изученных в герпетологическом отношении районов Украины и не без основания надеялся своими наблюдениями каким-то образом восполнить этот пробел. Интуиция не обманула меня. В один из дней на берегу реки Бахмут я отловил неизвестную мне змею, которая при ближайшем рассмотрении оказалась четырехполосым полозом — видом, до этого времени на Украине практически неизвестным и встречающимся в основном на юге и юго-востоке России. Первым делом я постарался успокоить обеих девушек, которые при виде принесенной змеи бросились наутек, и успокоились лишь после того как я наглядно, позволив полозу больно, до крови себя укусить, объяснил им,

Н.В.Шарлемань.

что змея не ядовита. Находка эта представляла определенный научный интерес, и ее следовало сохранить для передачи в какой-либо зоологический музей. Я раздобыл у совхозного фельдшера эфир и, усыпив змею, с нужной этикеткой, заспиртовал ее в банке с денатуратом.

Между тем, война все более давала о себе знать. Из магазинов стали исчезать продукты, хлеб отпускали только по карточкам и, в довершение всего, местное совхозное начальство предложило нам самим позаботиться о своей дальнейшей судьбе. С фронта приходили неутешительные вести, и с несколькими патриотически настроенными киевлянами я обратился в военкомат с просьбой о добровольном преждевременном зачислении в строй. Всем

нам, однако, было предложено не торопить события и дожидаться законного призыва в армию. Наступила осень, близилась зима, теплой же одежды практически не было ни у кого. Поэтому с несколькими киевлянами я выехал в Харьков, где остановился у проживавшей там дальней маминой родственницы. Я знал, что в Харьковском университете работает крупнейший отечественный герпетолог, профессор Александр Михайлович Никольский* — автор нескольких капитальных монографий, которые еще в Киеве были проштудированы мною почти наизусть. Соблазн лично познакомиться со знаменитым ученым, недавно отметившим свое восьмидесятилетие, был слишком велик, тем более, что Николай Васильевич в одном из своих адресованных Никольскому киевских писем коротко упоминал обо мне. Невзирая на суматоху военного времени я, очень волнуясь, отправился по известному мне адресу. К сожалению, любезно принявшая меня дочь Александра Михайловича сообщила, что отец ее болен и посетителей не принимает. Лишь после войны я узнал, что Александр Михайлович, оставаясь в Харькове, умер в 1942 году в возрасте 84 лет. В Харьковском военкомате мне рекомендовали обратиться в Ремесленное училище связи, которое готовилось к дальней эвакуации на восток. Другого выхода не было. В тот же день, написав нужное заявление, я был принят в состав этого училища, удостоив-

* Никольский Александр Михайлович (1858—1942) — биолог, путешественник, педагог, популяризатор науки, герпетолог, профессор Харьковского университета, академик Академии наук Украины. В России учреждено Герпетологическое общество имени А.М.Никольского, первым президентом которого был избран Илья Сергеевич.

шись широко распространенного в те годы полуофициального звания «ремесленник». Училище выдало мне, отличавшее «ремесленников» фирменное, черного цвета обмундирование, включая столь необходимые теплое белье и шинель. Выделенный для эвакуации училища товарный эшелон уже стоял на путях. С новыми товарищами я удобно устроился на широких нарах, и началась наша, длившаяся около двух недель, железнодорожная эпопея.

Конечный пункт назначения для нас оставался тайной и, насколько я сейчас помню, поначалу не был известен и самому сопровождавшему нас преподавательскому составу училища. Называли разные города, в том числе Алма-Ату и Ташкент, что особенно радовало меня, так как именно из Средней Азии происходили многие уже известные мне по богатой университетской коллекции виды ящериц и змей. Между тем, пропуская встречные воинские эшелоны, наш поезд медленно, с частыми остановками в пути, двигался на восток. Из школьного учебника географии я теоретически усвоил, что страна наша велика и занимает одну шестую часть света. Однако истинный смысл этой расхожей фразы я стал постигать лишь теперь, когда в широко раскрытые двери вагона перед нашими глазами, одна за другой, стали разворачиваться обширные панорамы природы, вначале южной и центральной России, затем Поволжья, Урала и под конец — Западной Сибири. Я перезнакомился со своими спутниками, некоторые из которых, как и я, оказались в Училище чисто случайно. Длившаяся уже несколько месяцев война осталась далеко позади на западе. Все мы совершенно не сомневались в ее скором и победоносном для нашей страны окончании и сожалели, что видимо уже не успеем принять в ней участие. Глядя на пронесившиеся мимо непрестанно меняющиеся пейзажи, я мысленно спрашивал себя, какие именно пресмыкающиеся и земноводные могут населять эти незнакомые мне места.

Не обходилось и без приключений. На небольшой промежуточной станции, не доезжая Свердловска, я выбежал за покупками на привокзальный базар и был отрезан от своего поезда внезапно появившимся и загородившим пути длинным воинским эшелоном. Я попытался, как мы делали это в таких случаях неоднократно, пролезть назад под колесами, но эшелон внезапно сдвинулся с места и когда он прогрохотал мимо, товарного состава с нашим училищем позади него уже не оказалось. К счастью, я был тепло одет, а докумен-

А.М.Никольский.

ты и некоторая сумма денег были со мной. Необходимо было догонять своих и сделать это как можно скорее, пока прямая железнодорожная магистраль за Уралом не разделится на две, после чего разыскать наше училище я смог бы разве только случайно. Составы дальнего следования здесь не останавливались, ближайший же местный поезд ожидался лишь на следующее утро. К счастью, один из стоявших на путях паровозов стал разводить пары и суровый на вид пожилой машинист, выслушав мою историю, согласился подкинуть меня до ближайшей узловой станции, откуда, по его словам, до Свердловска будет «совсем уже близко». Действительно, сменив по дороге два попутных пассажирских состава, к утру следующего дня я

прибыл в Свердловск, как выяснилось, на несколько часов опередив задержавшийся где-то в пути и простоявший ночь на боковых путях наш эшелон с училищем. Велики были изумление и радость моих товарищей и собравшихся преподавателей, когда я, живой и невредимый, предстал перед ними на перроне вокзала. Дело в том, что за первые несколько дней от эшелона уже отстали и потерялись где-то на дорогах войны, как минимум, два наших «ремесленника».

Из Свердловска эшелон продолжил дальнейший путь на восток, и не оставлявшая меня слабая надежда на то, что мы повернем к югу в сторону Казахстана и Средней Азии, рухнула окончательно. Еще через три дня пути поезд прибыл в Новосибирск, и здесь выяснилось, что конечный пункт нашего назначения — столица Алтайского края город Барнаул, где для нас было выделено просторное общежитие одного из местных оборонных заводов. Официально училище готовило гражданских специалистов в области радио- и телефонной связи. Но война внесла свои коррективы, и после первых же теоретических занятий стало ясно, что большинству из нас уготовано будущее военных связистов. К весне 1942 года мы уже вполне удовлетворительно разбирались в устройстве многих типов войсковой радио- и телефонной аппаратуры. Положение на фронтах было тяжелое. Немцы, оправившись после поражения под Москвой, продолжили успешное наступление в глубь страны, и большинству из нас не терпелось как можно быстрее попасть на фронт и применить полученные знания на практике. Но так как мы все еще оставались «допризывниками», городские власти решили временно использовать училище как рабочую силу в сельском хозяйстве

и два летних месяца 1942 года мы провели в одном из совхозов в предгорных лесах на юге Алтайского края. Нужно ли говорить, что я был сразу же покорен величием и мощью сибирской природы, столь не похожей на хорошо знакомое мне с детства более скромное родное Украинское Полесье. Приятной неожиданностью стала для меня встреча на Алтае со своими старыми украинскими знакомцами — обыкновенной гадюкой и живородящей и прыткой ящерицами. Из литературы и киевских бесед с Н.В.Шарлеманем я уже имел некоторые представления о зоогеографии и географической изменчивости пресмыкающихся. Но встреча этих животных на расстоянии почти четырех тысяч километров от мест, где я впервые повстречал их на Украине, сильно поразили мое воображение, тем более, что по своему внешнему виду некоторые алтайские экземпляры ящериц и гадюк заметно отличались от своих украинских собратьев. Однако времени для серьезных герпетологических раздумий у меня не было. Положение на фронтах продолжало ухудшаться, и по возвращении в Барнаул я с несколькими своими товарищами по училищу обратился в военкомат с просьбой о преждевременном зачислении в действующую армию. На этот раз просьба наша была услышана и вскоре мы получили предписание явиться для прохождения службы в пехотное училище в сибирском городе Кемерово. Учеба здесь по нормам военного времени была рассчитана всего на три месяца и проводилась в полном соответствии со знаменитым Суворовским правилом «Тяжело в учении — легко в бою». В суровые сибирские морозы полевые занятия проводились при любой погоде, и ежедневно мы часами простаивали на стрельбище или на плацу, теоретически отрабатывая «тактику боя на открытой местности», или совершали стремительные марш-броски «в тыл врага» по пересеченной местности.

Накануне Нового, 1943, года под погрузку был подан воинский эшелон, и спустя неделю наша курсантская рота в полном вооружении высадилась в заснеженном прифронтовом лесу и заняла боевые позиции в районе города Смоленска. Началась моя фронтовая жизнь, завершившаяся спустя два с половиной года в победном 1945. Я был призван воевать рядовым, дослужился до лейтенанта — командира взвода связи, был дважды ранен в боях, получал боевые награды, длительное время лечился в госпиталях и только чудом остал-

Младший лейтенант И.С.Даревский.
1945 г.

ся жив. Я встречался на фронте с героизмом и отвагой, трусостью и предательством, подлостью и обманом, и смог на собственном опыте убедиться, что война срывает все маски и беспощадно обнажает истинные лица захваченных ее орбитой людей. Страшнее войны на свете действительно ничего нет! Разумеется, во время войны мне было не до герпетологических занятий. Но я твердо верил, что, если останусь жив, то обязательно буду заниматься любимым делом. Случалось, что герпетология и сама напоминала мне о своем существовании. Так, выкапывая зимой блиндаж, солдаты выбросили однажды на снег клубок вяло извивающихся полусонных гадюк, которых своим вмешательством я спас от истребления. В небольшом немецком городке наш взвод посе-

лился в здании местной гимназии, где в биологическом кабинете сохранилась довольно приличная коллекция заспиртованных пресмыкающихся. Вспоминаю, с какой ностальгией я, к изумлению своих подчиненных, стал подробно рассматривать этих неожиданно оказавшихся у меня в руках ящериц и змей. Суровые тяготы войны очень скрашивали для меня встречи со многими интересными людьми и завязавшаяся с некоторыми из них настоящая фронтовая дружба, значение которой в боевых условиях трудно переоценить. Пережил я на фронте и свою первую юношескую любовь...

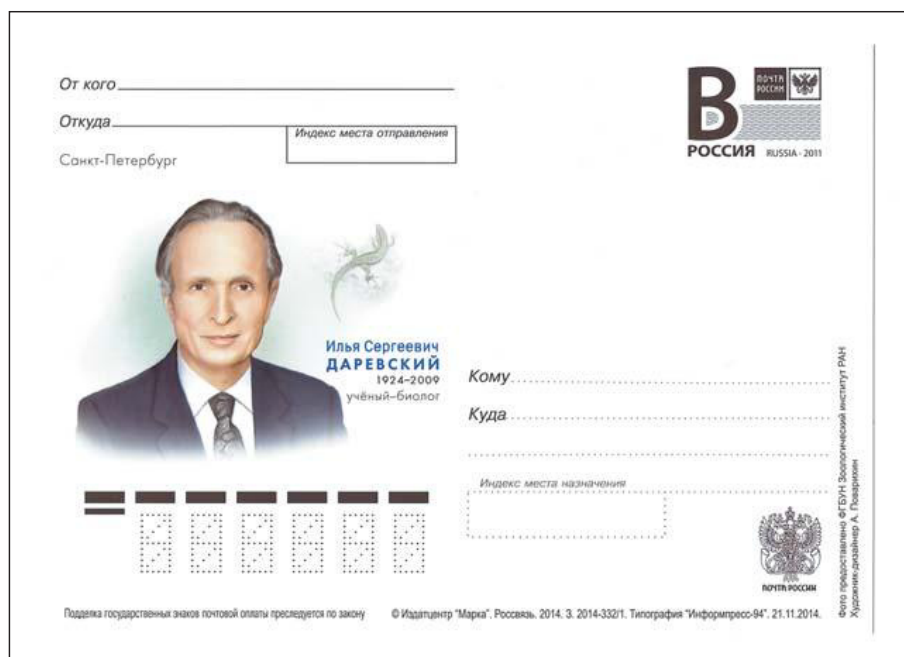
После освобождения Киева от оккупации, я сразу же отправил полевой почтой письмо Н.В.Шарлеманю и вскоре получил от него подробный, обрадовавший и в то же время очень опечаливший меня ответ. В частности, я узнал о гибели на фронте И.А.Цемша и пожаре в Киевском университете, полностью уничтожившем один из крупнейших в стране знаменитый университетский Зоологический музей. Стали регулярно приходиться письма от матери, которая к этому времени перебралась в Москву, в квартиру своего брата, служившего во флоте и демобилизованного в начале войны после тяжелого ранения. Вскоре возобновилась связь и с С.А.Черновым*, возвратившимся в Ленинград вместе с Зоологическим институтом из эвакуации в Таджикистан.

* Чернов Сергей Александрович (1903—1964) — биолог, герпетолог. Ученик А.М.Никольского, учитель И.С.Даревского. В 1940—1960 годы — ведущий специалист в СССР по изучению пресмыкающихся. В честь его Даревский назвал новый вид го-логлаза *Ablepharus chernovi*.

День Победы застал меня в полевом госпитале города Кенигсберга, где я долечивался после осколочного ранения в ногу. После выздоровления я был направлен в офицерский запасной полк и в начале августа получил на руки долгожданный приказ о своей демобилизации из армии. Мои первоначальные планы, связанные с возвращением в Киев, пришлось круто переменить. Наша киевская квартира была полностью разрушена, а главное, моя мама переехала в Москву, где проживали также наши родственники со стороны отца. Так получилось, что в возрасте 21 года, жарким августовским днем, в новой офицерской форме, обремененный лишь небольшим трофейным чемоданом, я вышел из поезда в Москве на Белорусском вокзале и попал

в объятия плачущей матери и нескольких радостно улыбающихся родственников. Первейшей своей задачей в столице я видел поступление на биологический факультет Московского университета. Однако для этого требовалось иметь отсутствующий у меня школьный «аттестат зрелости» и потому осуществить свое намерение я смог лишь два года спустя, только в 1948 году. Демобилизованным офицерам выдавалась на руки довольно значительная сумма денег. Кроме того, они могли пользоваться талонами на 50% скидку при питании в ресторанах. Поэтому первое время я мог, не заботясь о «хлебе насущном», просто отдыхать от войны: знакомился с Москвой и ее окрестностями, посещал театры и кино, встречался с девушками, проводил вечера в компаниях молодежи, среди которой превалировали бывшие фронтовики, в частности и некоторые мои однополчане. Неоднократно приходил я в Зоологический музей Университета, подолгу простаивая перед его герпетологическими витринами и много времени проводил в террариуме Московского зоопарка, славящегося богатой живой коллекцией экзотических пресмыкающихся и земноводных. Террариумом заведовал в то время Виктор Веницианович Черномордиков*, талантливый зоолог-экспериментатор и очень сложный, чтобы не сказать странный, по своему характеру человек. Знаком-

* Черномордиков Виктор Веницианович (1917—?) — биолог-экспериментатор герпетолог, террариумист. В 1940—1951 годах работал в террариуме Московского зоопарка.

Почтовая карточка, выпущенная к 90-летию И.С.Даревского.

ство мое с ним и наши последующие беседы завершились тем, что вскоре он пригласил меня на работу в качестве служителя террариума.

Между тем переписка моя с Н.В.Шарлеманем регулярно продолжалась, и настал день, когда весной 1946 года я вошел в вагон скорого поезда, отправляющегося в город своего детства и юности — Киев. Неопытным семнадцатилетним мальчишкой, не ведая, что ждет меня впереди, покидал я родной город четыре года назад, и возвращался сейчас совершенно другим, умудренным жизненным опытом и войной человеком. Сильно волнуясь, вышел я на перрон Киевского вокзала и, не скрывая подступивших слез, крепко обнял пришедшего встретить меня первого своего наставника и учителя. Николай Васильевич все годы войны оставался в Киеве, и в значительной мере благодаря его стараниям была сохранена целостность уникальной экспозиции Зоологического музея Академии наук, которую немцы планировали частично вывезти в Германию. Соответствующие наши органы огульно пытались обвинить его в сотрудничестве с оккупантами, он был арестован, но после недолгого разбирательства полностью реабилитирован и продолжил работу в Зоологическом институте. Большинство моих дворовых и школьных приятелей были выкошены войной, но из Армии возвратились некоторые бывшие киевские «юннаты», ставшие впоследствии известными украинскими зоологами. Радостной была наша встреча после лихолетья войны на с детства знакомом обрывистом берегу Днепра!